

Скифия

Анастасия Зорина

ТЫ НЕ ОДНА

Дневник мамы недоношенного ребёнка

Практические советы и рекомендации

Скифия
Санкт-Петербург
2019

Книга издана при поддержке благотворительного фонда помощи недоношенным детям и их родителям «Провидение»

ББК 74. 3
УДК 376
386

386 Зорина А.

Ты не одна. Дневник мамы недоношенного ребёнка. — СПб.: Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2019. — 528 с.

Не всегда материнство бывает простым и счастливым. Иногда — трудным и даже скорбным. Но если и в нём есть любовь и принятие, то жизненный путь не становится беспросветным. Эта книга — история одной материнской любви. В ней говорится о том, как преодолеть трудности и пережить потери. Дневник многолетней мамы, выхаживающей недоношенного ребёнка, исполнен надежд и разочарований, упования и отчаяния, боли и утешения. Живой, настоящий и содержащий такие нужные советы, он может стать поддержкой и путеводителем для мам, оказавшихся в трудную минуту один на один со своими вопросами.

ISBN 978-5-00025-156-0

© Зорина А., 2018

© Издательско-Торговый Дом «Скифия», 2019

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга — мои воспоминания о труднейших периодах жизни нашей семьи. Это попытка выговориться и помочь людям, попавшим в подобную ситуацию.

Изначально эта книга написана для нашей семьи, моих детей и, надеюсь, внуков. Она не только написана мной. Я прожила её. Я делюсь своими воспоминаниями и опытом в первый год жизни своего глубоко недоношенного ребёнка. Все такие дети проходят похожие этапы в начале жизни — сначала реанимацию, затем отделение патологии новорождённых.

Кроме темы недоношенных детей здесь также затрагивается и другая, вечная, тема — смерти. К величайшему сожалению, согласно статистике в мире выживает лишь один из двух зачатых детей. Есть множество причин, влияющих на это: начиная с выкидышей и заканчивая смертью недоношенного ребёнка.

Вторая глава, во-первых, посвящена смерти и написана для людей, переживших потерю ребёнка. Во-вторых, в ней затрагивается тема вынашивания и родов ребёнка с врожденными пороками развития (ВПР). Настоятельно не рекомендую читать её из праздного любопытства людям с повышенной впечатлительностью, больным, а также беременным женщинам.

Я придерживаюсь православного мировоззрения. Это отразилось на моих рассуждениях о жизни. Надеюсь, вы отнесётесь к этому с пониманием, даже если вы смотрите на мир иначе.

Смею надеяться, что эта книга поддержит женщин, ставших мамами недоношенных малышей. Я думаю, таких

мам немало, ведь по статистике в России каждый десятый ребёнок рождается недоношенным. У многих родителей таких детей уже есть старшие дети. И им, безусловно, проще, чем тем, кто стал родителями впервые. Наша семья сначала прошла через шоковое состояние: «Почему у нас?», а затем поднялась на уровень: «Как жить дальше?»

Мне очень нравится рассказ Эмили Перл Кигслей «Добро пожаловать в Голландию». В иносказательной форме она описала успешное взаимодействие родителей, связанное с рождением ребёнка с какими-то отклонениями.

Меня часто просят описать опыт воспитания ребёнка с какими-то нарушениями, чтобы понять, как это происходит, на что похоже и как помочь людям, столкнувшимся с этой проблемой...

Когда вы ждёте ребёнка, это похоже на планирование фантастического путешествия во время отпуска, скажем, в Италию. Вы покупаете кучу путеводителей и строите замечательные планы. Колизей, Давид Микеланджело, гондолы в Венеции. Вы пытаетесь выучить несколько необходимых фраз по-итальянски. Всё это очень захватывает.

После месяцев нетерпеливого ожидания, наконец, настает этот день. Вы упаковываете свои чемоданы и летите. Спустя несколько часов самолёт совершает посадку. В салон входит стюардесса и объявляет: «Добро пожаловать в Голландию!»

«Голландия?! — восклицаете вы. — Что вы говорите? — Голландия? Я брала билет в Италию! Я собиралась в Италию. Я всю жизнь мечтала побывать в Италии!»

Но самолёт сменил маршрут. Посадка произведена в Голландии, и вы поставлены перед фактом. Самая ошеломляющая деталь заключается в том, что вас не предупредили: это совсем другие места.

Хорошо, что вас не высадили в каком-нибудь ужасном, отвратительном, грязном месте, где

свирепствуют голод, чума и прочие эпидемии. Всего лишь другая страна.

Так что вам необходимо выйти и купить новые путеводители. И выучить новый язык. И вы встретитесь с новыми людьми, с которыми встреча у вас не планировалась.

Всего лишь другая страна. Здесь всё происходит медленнее, чем в Италии, здесь не так роскошно, как в Италии. Но после того, как проведёте в Голландии некоторое время, у вас перехватит дыхание. Вы осматриваетесь вокруг и начинаете обращать внимание, что в Голландии есть необыкновенные ветряные мельницы, в Голландии есть чудо-тюльпаны, в Голландии даже есть гордость мирового искусства — картины Рембрандта.

А ваши знакомые, прибывающие из Италии, рассказывают, как замечательно они провели там время. И всю остальную часть своей жизни вы будете говорить: «Да, я туда собирался, планировал, но обстоятельства изменились».

Эта боль не уйдёт никогда, потому что потеря большой мечты — очень существенная потеря.

Но если вы проведёте жизнь, оплакивая факт, что не попали в Италию, вы никогда не освободитесь и не сможете наслаждаться особыми, прекрасными воспоминаниями от поездки в Голландию.

Эмили Перл Кигслей

«Добро пожаловать в Голландию»

Все имена в книге изменены, любые совпадения случайны. События первой части описаны год спустя.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Море — это вечное движение и любовь,
вечная жизнь.

Жюль Верн

МОРЕ

Позвольте мне начать эту книгу с приятных воспоминаний об отдыхе. Лето. Мы семьёй отдыхаем в тихом уютном местечке под Евпаторией — посёлке Заозерном. Всё побережье — это широкий песчаный пляж с крупным золотистым песком. Море в районе посёлка мелководное. Благодаря малому количеству развлечений, туристов не так много, как в Евпатории. Идеально для отдыха с детьми. Август. Вода в море прохладная, но медуз нет. Море, солнце, чайки, крабы — что ещё надо для счастья? Наша семья — это уже целых четыре человека. Я, мой любимый муж и двое детей: девочка 6 лет и мальчик 3 лет. Когда детям становится скучно на море, мы ездим в Евпаторию. Там можно найти развлечения на любой вкус.

Но самое необычное в нашем отдыхе — это моё положение. Мы снова ждём ребёнка. Пока что об этом кроме меня знает только муж. Обстоятельства сложились так, что сроки первого УЗИ выпадают именно на время нашего отдыха. Я записываюсь в Евпатории к врачу в отделение, которое имеет удобное для нас расположение. И вот наступает день X. Муж шутит: «Может, будет двойня». Мне не смешно: «Ты же знаешь, как тяжело с детьми! Даже не шути на эту тему. Надеюсь, что не будет. К тому же это маловероятно.

Ни у тебя, ни у меня в роду ни у кого никогда не было двойни. Это невозможно». Когда мы поженились, у нас была мечта иметь четырёх детей. Почему именно четырёх, не знаю. Но не больше, не меньше.

Мы решили, что детям нечего раньше времени знать о будущем пополнении в семье. Посему Андрей отправляется с ними в дельфинарий. Я же отправляюсь в отделение «Гемотеста». Здесь довольно уютно: прохладно и спокойно. Подходит моё время, я захожу в кабинет. Врач — мужчина средних лет. После принятого обмена приветствиями, он приступает к делу. Срок 11 недель. «Вы уже делали УЗИ?» «Нет», — я немного волнуюсь. «Ну, тогда вас можно поздравить! У вас двойня!» Я в шоке. Я не просто этого не ожидала, я была уверена, что это из области фантастики. Врач, видя моё замешательство, немного сконфужен. Я объясняю, что у меня уже есть двое детей. Что они ещё не такие большие: младшему всего 3 года, а старшей — 6 лет. Доктор очень тщательно продолжает исследование. Рассказывает, что именно на этом сроке определяют, *монохориальная* или *дихориальная* двойня, *моноамниотическая* или *диамниотическая*. По-простому, близнецы это или двойняшки. У меня близнецы, монохориальная диамниотическая двойня.

Монохориальная означает, что эта двойня получает питание от одной плаценты при беременности. Такое положение намного опаснее, чем вариант двойни, когда у каждого эмбриона своя плацента. Велика вероятность, что более сильный младенец будет подавлять развитие своего брата или сестрички, именно поэтому такие дети рождаются с разницей в весе.

Диамниотическая двойня означает, что каждый плод развивается и растёт в своём плодном мешке, при этом околоплодные воды от одного не попадают к другому. Этот тип двойни называют однойцевые близнецы, они будут одного пола и очень похожи друг на друга. К сожалению, уже сейчас врач отмечает разницу в весе. «Главное в вашей ситуации доносить до 30 недель... Теперь вам надо встать на учет, когда вернетесь домой. А пока что привыкайте к новому положению».

Я выхожу на улицу. Очень жарко. «Что же меня ждёт в этот раз?» — думаю я. Смогу ли я доносить?.. Я была рада

узнать, что у малышей всё без отклонений. Но к двойне я была, мягко говоря, не готова. Не только морально, но и физически. Ведь предыдущие роды были совсем недавно, полгода назад. Об этой истории я расскажу вам чуть позже. А пока вернёмся к отдыхающей части моей семьи.

Дельфинарий Евпатории находится в районе парка имени Фрунзе. Вокруг деревьев, кустарники, определённо мне здесь нравится больше, чем в центре города. А вот и люди начинают выходить с представления. Судя по лицам моих родных, они довольны. Лиза (это наша дочка) — больше всех. «Мама, я хочу плавать с дельфинами и белухой», — заявляет она. «Здорово! Я тоже хочу. Только для этого надо сначала научиться плавать. Надо не просто уметь держаться на воде, а плавать хорошо. Вот научишься, тогда обязательно поплаваем». Удивительно, но после похода в дельфинарий дельфины до сих пор остаются её любимыми животными.

Пока дети бегают, я делюсь с мужем: «У нас будет двойня... Всё хорошо: патологий нет». «Хорошо», — муж радуется. У него совсем другая реакция: он очень, очень, очень рад. Уже в номере мы обсуждаем подробности. Больше всего меня беспокоит отмечаемая врачом разница в две недели между плодами. Андрей, как обычно, старается меня успокоить: «Не переживай раньше времени. Всё будет хорошо». Но у меня на душе неспокойно. И я, как обычно, начинаю штудировать интернет. «Около пятидесяти процентов двоен не выживает», — гласит суровая статистика. Я пытаюсь разобраться, можно ли повлиять на сроки рождения двойни при монохориальной двойне, как снизить риск преждевременных родов, но интернет — не лучший помощник в такой ситуации. Я решаю хотя бы на море спокойно отдохнуть, не думая о возможных трудностях.

Лето подходит к концу. Мы, отдохнувшие и набравшие сил, едем домой в маленький подмосковный городок. Там нас ждёт работа и совсем другая жизнь. Таксист (он же наш сосед в Заозерном с другой стороны дома), рыбак, по пути в аэропорт рассказывает про людей, которые оставляют мегаполисы и переезжают к ним. Работают удалённо и живут вне суеты, которая им надоела. Я смотрю в окно машины на степь и наслаждаюсь моментом. Вот оно, счастье.

В ОЖИДАНИИ МАЛЫШЕЙ

Вы, наверное, думаете, что, вернувшись домой, я побежала вставать на учет, как мне советовал врач. Но это не про меня. Имея опыт вынашивания трёх беременностей, я понимала, чем это грозит. Частые походы к врачам отберут много моего времени и сил. Переживать я буду больше, чем раньше, ведь редко какой врач будет способствовать спокойствию беременной. Ну, а уж главную заповедь врача «Не навреди» старалась соблюдать лишь половина врачей, с которыми мне довелось встретиться. Я решила отложить визит до недели двадцатой для всеобщего блага, руководствуясь принципом: спокойная мама — спокойные дети.

Итак, с возвращением в город каждого члена нашей семьи ждали свои великие дела. Нашего папу — разумеется, работа в Москве, путь до которой в одну сторону занимает полтора часа. Детей — детский сад и кружки.

Дети в сад ходят по-разному. Дочка — с удовольствием, сын — до сих пор с истериками. Мне приходится проявлять чудеса коммуникабельности, чтобы Ваня зашёл в группу без слёз. У воспитателей нет ни времени, ни желания его успокаивать.

Когда дети в саду, у меня есть свободное время на домашние дела. После обеда у меня начинается моя работа. К счастью для нашей семьи, она занимает намного меньше времени, чем у моего мужа. Я — репетитор, даю частные уроки, как правило, на дому. Только к одному ученику я езжу каждый будний день. Такая работа имеет свою специфику, но мне очень нравится. Самое большое удовлетворение — видеть, как мои ученики «растут». Помимо этого, я люблю детей всей душой. Ну, а уж что времени на домашние дела остается больше, чем от обычной восьмичасовой работы, бесспорный факт. Между занятиями я должна забрать детей из сада, отвести и забрать с кружков. Я знаю много мам, которые работают, как и я, на дому. У моей соседки тоже двое детей (два и четыре года). Она устроила у себя косметологический кабинет прямо в квартире. В общем-то, это обычное дело — работать на дому. В декрете я сидела только с первым ребёнком примерно до полутора лет. Зная, что самое главное — хорошо воспи-

тать первого ребёнка, я всю душу вложила в Лизу. Гуляла по четыре часа каждый день, занималась с ней всем, что знаю, сама научила её плавать. Спустя шесть лет воспитатели спрашивают у меня: «Как вы воспитываете Лизу?! Как вам удалось так хорошо её воспитать?» Ответ прост: «Главное — любовь. Если в семье есть любовь, и дети будут воспитанными». Благодаря этим принципам, наши дети — наша гордость.

В городе я начала ощущать свою беременность иначе. К сожалению, лёгкий токсикоз, который только слегка беспокоил меня на море, перешел в стадию регулярных приступов рвоты. Запах сигаретного дыма и выхлопных газов неминуемо приводил к тошноте. Каждый раз, гуляя с детьми, я должна была найти такое место, где воздух идеальный. Иначе же меня могло вырвать прямо на улице. Разумеется, это срабатывал механизм защиты детей, но мне это доставляло много проблем.

Изжога — ещё одна проблема, с которой я сталкиваюсь каждую беременность. Я не ем жареного и острого, я вообще не ем перед сном, я ложусь на высокие подушки, пью молоко, но изжога всё равно не дает мне спать по ночам. Это основная причина бессоницы. *Судороги* — мой враг номер два. Чтобы снять их, надо потянуть пальцы ног на себя и задержать их в таком положении на пару секунд, пока мышцы не расслабятся. Или же потянуть пальцы больной ноги к себе, стараясь не сгибать колено. Растягивать мышцы нужно постепенно, если это делать резко, может быть обратная реакция — усиление судорог. Врач также назначала мне препараты с магнием, кальцием, объясняя, что причиной судорог может быть дисбаланс электролитов.

Что касается психологического фактора, то к тому, что у меня будет двойня, я привыкла очень быстро. Однако, слова «близнецы», «двойняшки» для меня не были волшебной музыкой, и я совсем не могла понять тех знакомых, которые мне говорили: «Какое счастье! Это была моя мечта!» Как правило, это были люди, у которых был один ребёнок... У меня же это была уже шестая беременность и предстояли четвёртые роды. Довольно серьёзная нагрузка для организма за какие-то 7 лет. Разумеется, мы осознанно подходили к каждой беременности. В жизни должно быть место подви-

гу, — считали мы. Ведь каждая новая жизнь приносила нам не только счастье, но и дополнительные заботы.

Слава Богу, в трудные моменты меня поддерживали не только муж и родственники, но и просто хорошие люди, знакомые с похожими ситуациями. Часто это были профессионалы своего дела. Одна из таких людей для меня — Наталья Евгеньевна. О ней я не могу не написать. Пять лет назад я выбирала для себя врача, с которым мне предстояло рожать. Роды были вторые, беременность протекала отлично, и мне очень хотелось, чтобы и роды прошли как можно лучше, а главное — естественно. Решено было рожать по контракту. То есть в роддоме, где есть условия для естественных родов. И это означало, что я заранее выбирала акушерку и врача, которые в обязательном порядке будут присутствовать на родах. Прочитав отзывы в интернете про всех врачей, я решила, что самым лучшим вариантом будет роддом, где в то время Наталья Евгеньевна работала заведующей родовым отделением.

Встретились мы с ней на 36 неделе беременности. В общении она мне понравилась. Помню, как из-за отклонений от нормы анализов, врач назначила мне лекарство: «Срочно пьём. Через три дня пересдаём анализы». Я же решила, как обычно по-своему: сначала пересдать анализы через три дня, а потому уж лекарство начать пить. Повторные анализы были в норме, лекарство я, разумеется, не пила. Наталья Евгеньевна смотрит на результат и спрашивает: «Вы пили лекарство?» «Нет...», — часто врачи высокого уровня не терпят непослушания. «Ну и правильно. Надо сначала сдавать анализы повторно и при подтверждении отклонений уже пить лекарство». Тут я поняла, что это врач, который мне идеально подходит. Врач — советник, который уважает твой выбор и спокойно относится к твоим собственным решениям, далеко не всегда совпадающим с рекомендациями врача.

Что меня ещё несказанно радует все эти годы, так это то, что Наталья Евгеньевна готова помочь в любой момент. Так было и тогда: «Звоните мне в любое время. Днём, ночью — мне неважно. Если я смогу, я вам отвечу». К счастью, ночью мне так и не пришлось беспокоить доктора. Но таких самоотверженных, благородных людей в наше время встречать мне приходится нечасто. Вы скажете: «Но это же был

контракт. То есть вы рожали платно!» А я вам отвечу: «Даже когда ты платишь деньги врачу, давно у него консультируешься, далеко не каждый даст свой номер телефона. Ну, а уж о том, чтобы отвечать на звонки, перезванивать, когда пациент не дозвонился (о ночном времени я вообще умолчу), и речи быть не может».

Крёстная моей старшей дочери работает педиатром. Именно она мне рассказала о том, что сейчас всё чаще на конференциях врачи услышат, что это (внимание!) опасно — давать номер телефона пациентам. Пациенты не умеют соблюдать субординацию. Каждый второй из них только и думает о том, как испортить жизнь врачам: написать жалобу в департамент здравоохранения, главному врачу или подать иск в суд. И бедные врачи совсем не защищены от несправедливости со стороны пациента. И поэтому врачей, желающих помочь пациенту в критический момент, становится всё меньше и меньше. На моих вторых родах Наталья Евгеньевна присутствовала от начала и до конца. Сами роды были вертикальные. Вес ребёнка 4 кг. «Его можно выписывать хоть сейчас», — сказала акушерка роддома с улыбкой. У меня же было всё не так радужно — открылось кровотечение (в первых родах было так же). Мне сделали чистку. Уже дома примерно через месяц после родов возобновилось кровотечение.

Ультразвуковое исследование в платной клинике показало наличие полипов, выдали направление на повторную чистку. Я в расстроенных чувствах звоню Наталье Евгеньевне. Она меня успокаивает: «В частных клиниках постоянно ошибаются. Ведь они редко после родов делают осмотры. Поймите, если бы чистку делала не я, то у меня были бы сомнения. Будем считать, что для вас это в пределах нормы». Действительно, вскоре всё пришло в норму. Обошлась я тогда гомеопатией и моральной поддержкой со стороны доктора. Уже тогда стало понятно, что послеродовые кровотечения могут стать причиной моей смерти. Так называемый *ДВС-синдром*. Врачи делают то, что должны. Получилось остановить кровотечение — повезло, не получилось — значит, не повезло.

Узнав о своей беременности двойней, звоню Наталье Евгеньевне и сообщаю, что хочу рожать с ней. «Вы знаете, что я

перешла работать в роддом в Железнодорожном?» «Мне всё равно, куда ехать». «Двойню сложнее выносить, чем родить. Если донесите хотя бы до 32 недель, то можно и здесь рожать. Если же начнутся роды раньше, то едете в Москву либо в восьмой роддом на метро Динамо, либо же в пятнадцатый. Вы говорите, что по первому УЗИ разница в две недели? Это настораживает. При монохориальной диамниотической двойне такое бывает, когда один плод является *донором*, а другой *реципиентом*. Один «объедает» другого. При этом, как правило, у того, кто меньше по весу, потом меньше проблем. А кто больше по весу, у него проблемы как минимум с сердцем, поскольку оно перегружено. Обязательно на двадцатой неделе сходите на УЗИ. Потом сообщите мне результаты. Если будут вопросы до этого, звоните».

После этого разговора я почувствовала, что все, к сожалению, может пойти не так, как я планировала.

Спустя какое-то время, примерно на восемнадцатой неделе, я всё-таки встала на учёт в женской консультации. Я выбрала самого опытного, самого лучшего врача. Звали её Марина Константиновна. Помню, что в самый первый раз, изучив довольно внимательно мои анализы, она сказала: «Не вы первая, не вы последняя. Не переживайте. Ведь у вас не тройня. Всего лишь двойня». Надо заметить, этот позитивный настрой она не теряла всю мою беременность. Это для любой беременной женщины самое ценное во враче. При этом, несмотря на свой опыт, Марина Константиновна говорила, что некоторые диагнозы она слышит впервые. Зная свои слабые стороны, я сообщила, что в предыдущий раз был повышен *D-димер*. Это довольно специфичный показатель в анализах крови. Многие на него не обращают внимания. Если он немного превышает норму, можно не переживать, всё будет хорошо. Но если же он превышает норму в 6–10 раз, то надо очень постараться выяснить причину повышения у гематолога. Итак, анализы приходят потрясающие, — превышение нормы в восемь раз. Всё же двойня. Марина Константиновна смотрит на заключение гематолога, где ясно написано, что у меня *гипокоагуляция*, и ещё много интересных слов, непонятных для неё. «Как же так?! D-димер — показатель гиперкоагуляции, а у вас гипокоагуляция. В анамнезе во время родов (трёх) кровопотеря

превышала физиологическую норму. Надо вам съездить на консультацию в Кулакова. Сейчас я напишу вам направление. И рожать вам тоже там надо... Или в Центре планирования. Вы же рожали сами всегда. Но сейчас у вас двойня, я, конечно, не хочу вас пугать, но... иногда вследствие ДВС-синдрома...» Я давно ждала от неё этих логических умозаключений: «Могу умереть». «Да...», — она многозначительно смотрит на меня. — «Будем надеяться, что они назначат уколы, которые будут разжижать кровь. Иногда их колют всю беременность. Может, это поможет».

Вынашивать двойню очень тяжело, я начинаю считать каждый день. Помню, примерно в это время я сообщила о своей беременности Оле Банниковой. Это ещё один человек, который меня поддерживает в трудные моменты жизни, связанные с медициной. Она не раз помогала мне то советом, то просто разговором по душам, то тем, что давала таблетки, которые привозила из Европы, т.к. в России их не найдешь нигде, ну, а во вторых родах она от меня просто не отходила. Повезло тем, кому довелось с ней рожать. По поводу моих тревог, связанных с повышением D-димера, она ответила, что, может, и не стоит обращать внимания на это, поскольку ещё совсем недавно беременным вообще не делали этот анализ. В сложных ситуациях я обычно спрашиваю несколько врачей, а потом сама принимаю решение. Не совсем я лёгкий пациент, а точнее совсем не лёгкий.

УЗИ девятнадцать недель — разница между плодами две недели. УЗИ двадцать четыре недели в 15 роддоме делает заведующая. Врач говорит, что всё в норме. Разница по весу та же — две недели. Делает *доплер*, чтобы посмотреть кровотоки, — всё хорошо. Почему же разница по весу между плодами? Врачу непонятно: «Надеюсь, разница не будет увеличиваться, но надо постоянно отслеживать состояние». Я пересылаю результаты Наталье Евгеньевне, пересказываю подробности посещения. «Это ненормально, что вес разный. Должна быть причина. Может быть, это из-за синдрома фето-фетальной трансфузии».

Двадцать пять недель. При двойне живот растёт очень быстро. Мне кажется, что на этом сроке я выгляжу и ощущаю себя как в сорок недель при одноплодной беременности. Я еду на консультацию в Научный центр акушерства, гине-

кологии и перинатологии имени академика В.И. Кулакова. Здесь врачи сталкиваются с самыми тяжёлыми случаями.

Так уж случилось, что на необъятную территорию этого учреждения машины не пропускают. Следуя до нужного мне корпуса, я всё больше понимаю, насколько тяжело вынашивать двойню, и что больше в это чудесное-расчудесное учреждение я не приеду. В общем-то, справедливости ради стоит отметить, что женщинам, лежащим с угрозой выкидыша, здесь предоставляют каталки. Как и в любом учреждении подобного масштаба, чтобы попасть к врачу, необходимо пройти через бумажную волокиту. Итак, через час я у врача в кабинете. Здесь мы обнаруживаем, что УЗИ у меня не из их центра. Необходимо, чтобы врач, работающий именно в этом центре, оснащённом наисовременнейшей техникой, и имеющий незаурядный ум, сделал УЗИ. Слава Богу, мне разрешают сделать его у врача-узиста, который работает в этом же корпусе. Но, конечно, все приёмы осуществляются строго по записи. А в списке у врача-узиста меня нет. Врач-гинеколог уговаривает своего коллегу сделать мне УЗИ. Он с пониманием соглашается.

Я сажусь в очередь. Ещё часа два ожидания. Наступает время, когда гинеколог, к которой я записана на прием, должна идти домой. Она звонит в кабинет УЗИ и просит поскорее меня принять. Меня наконец-то вызывают в кабинет. После стандартных вопросов, типа «Двойня естественная или эко?», врач приступает к исследованию. Необычно наблюдать малышей на экране большого телевизора. Техника здесь действительно самого высокого уровня. Врач очень внимательно всё смотрит. Разница в размере плодов опять всё те же две недели. Все отлично! Доплер в норме. «Зачем вас вообще к нам направили?» — удивляется доктор. «Из-за разницы в размерах. Все думают, что один получает больше питания, чем другой». «Это просто объясняется. Они были зачаты с разницей во времени около двух недель. Ведь эта разница не меняется. Такое может происходить при двойной овуляции, когда две яйцеклетки выходят из яичников в разное время и после этого оплодотворяются. В результате появляются двойняшки с разным сроком зачатия, которые поэтому и различаются в размерах. Не надо всех слушать. Вот после родов часто говорят докармливать детей смесью

из-за того, что у матери якобы не хватает молока. А про физиологическую потерю веса забывают».

Как можно быстрее я иду к гинекологу. Любите ли вы, дорогие читатели, задерживаться на работе? Дама, к которой я попала на прием, явно уже желала быть далеко от Научного центра. Быстро пробежав глазами анамнез, который гласил, что мне предстоит четвёртые роды, она ненавязчиво осведомилась: «И сколько раз вы ещё собираетесь рожать?!» Такое сочувствие с её стороны к коллегам, которых такие, как я, не оставляют без работы, было для меня неожиданностью. «Это последний раз. Я устала... Больше рожать не буду». Услышав такой обнадеживающий ответ, врач уже более спокойно продолжила: «По УЗИ у вас всё в порядке. Что вас интересует? Зачем вас направили в наш центр?» «Повышен D-димер. Сильно. Врач хочет назначить уколы *фраксипарина* или *клексана*». «В таких случаях обычно назначают клексан. Но я считаю, что вам нет необходимости его колоть. Ведь по *коагулограмме* у вас *гипокоагуляция*. Есть ещё вопросы?» Вопросов больше не было. Наскоро написав заключение, врач убежала.

Эта поездка усилила мой кашель, начавшийся совсем недавно. А интуиция мне подсказывала, что совсем не так уж всё и радужно, как об этом говорят врачи Научного центра. В раздевалке ко мне, совсем уставшей и растерянной, подошла девушка, с которой мы виделись в очереди на УЗИ, и начала мило со мной разговаривать. Я была рада неожиданно появившейся собеседнице, отвлекшей меня от тяжёлых мыслей. Девушка была на тридцать седьмой неделе беременности и провела целый день в центре, оформляя контракт на роды. «Вот человек, которому ещё тяжелее дался этот день, чем мне», — подумала я. — «Ведь я провела здесь всего полдня».

Трудно передать эмоции Марины Константиновны словами, когда она прочитала заключение: «D-димер повышен в восемь раз, и ничего не назначили!.. Вы ещё куда-нибудь ездили?» «Нет, не успела», — после долгих ожиданий приёма врача и хождений с одного этажа на другой, я поняла, что надо быть полностью здоровой для таких испытаний. Разумеется, я решила вылечить свое *ОРВИ* и только после этого продолжать обследования в специализированных

центрах. По моим воспоминаниям больше ничего особенного в женской консультации в ту беременность не происходило. Конечно, я после происшедшего позвонила Наталье Евгеньевне. Она как обычно спокойно отреагировала: «Клексан обычно назначают в условиях стационара. Странно, что в вашей ситуации они ничего не назначили. Попейте курантил две недели. Потом его надо будет сменить на другое лекарство, поскольку происходит привыкание организма». В этот раз я безо всяких сомнений послушалась Наталью Евгеньевну. Но, к сожалению, мой темп жизни в постоянных заботах о детях, доме и работе не давал мне отлежаться до полного исчезновения кашля.

На двадцать восьмой неделе моей беременности заболел и муж. Да ещё как! Пневмонией.

Когда у мужа спала температура, я, улучив момент, решила сходить в церковь. Это всегда поддерживало меня в трудных ситуациях. Беременность для меня была как испытание, причём настолько серьёзное, что я понимала, что такое бывает, пожалуй, раз в жизни. «Если на этих выходных я не причащусь, у меня уже не будет сил, чтоб причаститься до родов», — я уговариваю мужа посидеть с детьми. Он с пониманием меня отпускает. Одно из самых ценных качеств моего мужа, что он даёт мне отдохнуть от детей, когда мне это нужно: я могу пойти в кино с подругой, сходить в бассейн, покататься на велосипеде. Одним словом, я могу побить без детей. Это очень помогает в семейной жизни.

Итак, воскресенье. Придя домой из церкви, я почувствовала, что живот начал каменеть. Причём, легче становилось, только если я лежала. Матка расслаблялась, и становилось терпимо. Лежать просто так — довольно скучное занятие, и я решила посмотреть фильм. Вчера были именины нашего сына, Вани. Мы его назвали в честь Святого Иоанна Златоуста. Случайно просматривая новости в социальной сети, я наткнулась на фильм «Крестный путь Святого Иоанна Златоуста» 2008 года. Его и решено было посмотреть. Очень интересный фильм о сильной личности. Место действия — Византийская империя 4–5 века от Рождества Христова. Несмотря на практически идеальный образ жизни, Бог послал Иоанну множество скорбей, которые не сломили его. Воистину можно сравнить его

жизнь с жизнью Христа. У каждого крестный путь свой. И Голгофа — у каждого своя...

Тонус матки увеличивался, и уже на следующий день я поняла, что надо ехать в роддом. Муж, конечно, уговаривает меня ехать: «Если всё хорошо, то вернёшься домой и всё». Я боюсь, я очень боюсь, всего двадцать восемь недель. Я пишу смс Наталье Евгеньевне. Позвонить мужества у меня не нашлось. Она мне отвечает, что бояться не надо, надо ехать, что в роддоме могут сохранить беременность, ну, а если начнутся преждевременные роды, то проколут уколы, раскрывающие лёгкие детей. Вечером перед сном Ваня целует меня в живот и говорит: «Может, Господь нам оставит хотя бы одного ребёночка...» Такие слова невозможно забыть. Кажется, их я буду помнить вечно. Рано утром я собираюсь и еду в роддом.

ПОТЕРИ

Иная слава солнца, иная слава луны, иная звезд; и звезда от звезды разнится в славе.

1 Кор. 15:37

Я очень боялась. Я уже знала, что это такое — потерять ребёнка. Первое столкновение со смертью у меня было довольно давно. Между удачными беременностями и родами у меня были два выкидыша на ранних сроках. Это всегда происходило внезапно. Один раз — и вовсе во сне. Собственно, именно из-за таких происшествий мы всегда желали как можно дольше сохранить мои беременности в тайне. Именно из-за потерь всю беременность двойней меня не покинет страх, что малыши могут умереть, что их жизни не в наших руках.

Люди, у которых никогда не умирал ребёнок и не было выкидыша, могут не понять моего горя. Когда случался выкидыш, даже мой муж с трудом понимал меня. Обычно он говорил: «Ничего страшного. У нас будут ещё дети». Но для женщины такие потери — это большое горе. И мне потребовалось много времени, чтобы пережить его. Каждый раз я задавала себе вопрос: «Почему это произошло? Зачем это

мне? Для чего?» В конце концов, ко мне пришла мысль, что уж лучше бы ребёнок умирал, прожив хоть какое-то время.

Стандартные медицинские исследования не выявляли причину выкидышей. Руководствуясь советами акушеров, на чистку я не ездила ни разу. Они объяснили мне, что в зарубежной практике далеко не всегда прибегают к чистке. В Европе чистка после выкидыша на ранних сроках проводится, только если есть признаки инфицирования матки, если срок беременности был более 10 недель или у женщины сильное кровотечение. То есть только в таких случаях, когда процедуры нельзя избежать. Чаще же всё выходит самостоятельно, и если кровотечение заканчивается самопроизвольно, медицинское вмешательство не требуется. При каких-либо сомнениях прибегают к ультразвуковому исследованию. Разумеется, кровотечение должно быть умеренным. Учитывая свой опыт, спустя пять лет я могу с полной уверенностью сказать, что в России врачи перестраховываются, делая чистку всем подряд.

Помимо выкидышей в нашей жизни были ещё и другого характера потери — смерть ребёнка. У малыша была тяжёлая патология. И, родившись, он прожил совсем немного. Это трудно пережить, но возможно.

Я расскажу об этом в самом конце книги. Если вы никогда не сталкивались с потерей ребёнка, эту главу вы можете не читать. Я написала её для тех, к сожалению, многих родителей, которые пережили эту потерю один на один. Я опишу наш опыт переживания смерти. И поделюсь тем, что сама узнала о том, как пережить горе. Из своего и чужого опыта.

РОДДОМ

Не прошло и полугода после смерти Гавриила, как я забеременела двойней.

И вот я уже в приёмном отделении роддома. Здесь, конечно же, очередь. Сажу, жду. Живот болит очень сильно. На улице снег идёт, холодно. Скорая привезла женщину, которая родила на улице.

Через час я попала в приёмное отделение, но тут тоже пришлось подождать. Я не выдержала и легла на кушетку.

Тонус сильнейший, а всего двадцать восемь недель. Ещё одну женщину скорая привезла, она легла на кушетку напротив, у неё тоже тонус. Вообще-то мы должны сидеть, но нам так плохо, что мы лежим. Смотрю на соседку напротив, а у неё живот совсем маленький.

— Сколько у вас недель?

— Двадцать четыре.

— Это же совсем маленький срок, — удивляюсь я, — Почему вы приехали?

— Живот прихватило. Думаю, может, это роды начались, — почти шёпотом говорит она. Спустя несколько минут, она застонала:

— Ай, яй! Как же я хочу в туалет!

— Здесь туалет при выходе сразу, дверь направо. Сходите. Всё равно нас нескоро примут.

— А ребёнок не выскользнет из меня? Я боюсь, что он выпадет, когда я тужиться буду, он ведь маленький совсем, — переживает женщина, страдая от боли в животе. Мы обе корчимся на кушетках от болей, но, кажется, разных по характеру.

— Неет. Точно не выпадет. У вас же первые роды? — с интересом смотрю на неё. Она утвердительно кивает. — Я уже три раза рожала, можете мне поверить, всё будет хорошо. Идите в туалет, — уговариваю я её.

— Ладно, попробую, — женщина медленно сползает с кушетки и двигается в направлении туалета.

Приходит довольная:

— Боль прошла, — задумчиво сообщает бедняжка, глядя в потолок. — Может, это от того, что я в туалет хотела, спазмы были?

Тут приходит врач. Переодевание, осмотр. Нас вдвоём с моей новой знакомой отправляют на УЗИ.

Сначала зовут её. Мне же настолько тяжело, что я ложусь в коридоре на стулья. Врачи мимо ходят, а мне всё равно. Очень всё болит. Я точно знаю, что это схватки.

Наконец кабинет УЗИ. Сначала врач долго и молча смотрит, и только минут через десять начинает говорить:

— У одного плода маловодие, у другого многоводие. Сейчас я позову заведующую отделением патологии, она посмотрит, и тогда уже решим, что с вами делать.

Приходит заведующая. Такая счастливая-рассчастливая. Шёпотом хвастается врачу, что у неё скоро свадьба. И на такой радостной волне смотрит на моё УЗИ и говорит:

— Если бы у вас было две плаценты, у вас всё было бы замечательно. Может быть, вам помогут в ...? — и называет другой роддом. — Они там делают операции по разделению плаценты на две части. Вы туда поезжайте, и у вас всё будет замечательно.

Тот роддом после этих слов стал моей последней надеждой. Я надеялась, что меня сразу туда отправят, но не тут-то было. Меня подняли в родильное отделение, положили в трёхместную палату и прицепили КТГ, будь он не ладен. Тут пришёл врач и сообщил, что при такой ситуации: критическом маловодии и многоводии, надо делать кесарево сечение.

Я как это услышала, так внутри меня всё упало. «Двадцать восемь недель... Если дети чудом выживут, то будут инвалидами. Если не выживут, совсем плохо. Кесарево — выживу ли я?.. И если не выживу, то оставить отца с четырьмя детьми одного совсем плохо», — эти мысли промелькнули у меня в голове как молнии. Всё это накрыло меня с головой, и я зарыдала.

КТГ перестало улавливать сигнал и начало пищать. На этот звук прибежала медсестра и увидела меня плачущей навзрыд:

— Женщина, успокойтесь! У вас же КТГ совсем ничего не запишет! Перестаньте сейчас же. Вам нельзя плакать, дети всё чувствуют.

Я не слушала её и продолжала в отчаянии рыдать.

— Доктор! У женщины истерика! — прокричала она в коридор и ушла.

Прибежал доктор, который меня принимал и оформлял внизу. Он тоже не очень хорошо знал, что в таких случаях делать:

— Настенька, но ты же такая умничка была внизу. Так всё хорошо понимала, — сделал он слабую попытку меня утешить.

Я не реагировала. Он ушёл, и уже больше никто не пришёл. И я плакала и плакала. Увели одну женщину на кесарево. Осталась я и ещё одна соседка по палате.

Проревев какое-то время, я стала потихоньку приходить в себя. Отключила ненавистный мне аппарат КТГ. По-

звонила мужу и всё сообщила. Соседка по палате прислушалась к моим опасениям по поводу смерти детей и сказала:

— У меня уже третьи роды. В этот раз кесарево сечение плановое. Когда я рожала в первый раз, всё шло идеально. В итоге, ребёнок с ДЦП. Почему — никто не знает. Это очень тяжело. Я часто думаю, лучше бы он тогда не выжил. Лучше таким детям на небесах быть.

Я перестала всхлипывать и посмотрела на неё:

— Я в эту беременность постоянно думала, что что-то будет не так, что закончится всё плохо. Наверное, надо было думать о хорошем исходе. Ведь так часто бывает: как думаешь, так и происходит.

— Ничего подобного! — воскликнула женщина. — В ту беременность я как раз и думала только о хорошем, беременность тоже протекала идеально. Я была уверена, что всё будет хорошо, но судьба распорядилась по-другому.

Зато второй ребёнок здоровый, хоть это радует.

— Вам кто-нибудь помогает с детьми? — спросила я, уже совсем успокоившись. Беда познается в сравнении.

— Родители. Но они больше любят сидеть с младшим. Про старшего, бывает, забывают совсем. Я звоню, когда их вместе оставляю, спрашиваю: «Памперс поменяли?» А они мне: «А что? Надо было менять?» Да и не любят они его. Это очень тяжело. Поэтому лучше, чтоб ребёнок умер, чем жил инвалидом всю жизнь.

В этот момент пришла медсестра и увела её на операцию. Я осталась лежать одна под впечатлением от разговора.

Пока я так лежала и переваривала всё, что произошло, пришла бригада врачей во главе с заведующим отделением. Они посмотрели на меня и объявили, что в моём случае необходимо делать кесарево сечение. В случае, если я отказываюсь от кесарева, они отправят меня в другой роддом, поскольку он специализируется на оказании помощи пациентам с заболеваниями крови.

Услышав название известного роддома, я, как полная дура, обрадовалась и сказала, что хочу туда и как можно быстрее. Я тогда ничего не знала об этом месте, совсем ничего.

Заведующий очень обрадовался, что ему удастся избавиться от такого сложного случая в моём лице, и скорее пошёл договариваться о моем переводе с главным врачом того

роддома. Договорённость была достигнута, и на радости такой, заведующий отдал распоряжение покормить меня. Это было уже около четырёх часов дня. Я ничего не ела с самого вчерашнего дня. Конечно, это была мелочь по сравнению с переживаниями, но настроение это ухудшало порядком. А если учесть, что у меня был низкий гемоглобин, то и моё самочувствие становилось всё хуже и хуже.

Врачи-мужчины, стоявшие в дверном проёме, стали обсуждать вслух мою ситуацию:

— Я никак не могу понять: тебя муж что не любит, что ли? Что вы творите? Отдыха никакого нет. Беременность за беременностью. Небось зубы летят, волосы выпадают. Красивая такая, — задумчиво поглядел он на меня, — и так изнашиваешь себя. Может, пора остановиться? Пожалеть себя?

Мне, признаюсь, с одной стороны, стало обидно от таких слов, с другой — жалко себя. Я уже итак намучилась, неужели ещё придётся страдать? Ничего не ответила я врачу. Нечего мне ему было сказать, всё равно не понял бы.

Заведующий вызвал специально для меня машину скорой помощи. О моем отъезде врачи заботились, как только могли, лишь бы избавиться от ненужных проблем.

Это была моя первая поездка на скорой помощи. Вечер. Москва стоит. Хорошо ехать на скорой по пробкам. В моём перевозе была задействована целая бригада — врач и фельдшер. Они всё сетовали, что из-за такой ерунды, перевозки беременной, вывели из строя целую бригаду. Фельдшер была совсем молодая женщина, у которой, как оказалась, был ребёнок лет трёх. В связи с чем мы с ней сначала поговорили о детях. Потом разговор плавно перешел на тему её работы. Рассказала она, как тяжело видеть сложные случаи, как они почти постоянно выезжают к ребёнку-инвалиду, которого схватывают судороги, и ничего, кроме помощи скорой, не помогает. Ребёнок причём был когда-то здоров, но внезапно, по необъяснимым причинам, так заболел. От её рассказов мне стало спокойнее на душе: не так уж у меня и плохо всё, бывает и хуже.

НА НОВОМ МЕСТЕ

Не может быть таких обстоятельств, при которых человек имел бы право посягать на свободу себе подобных.

Жюль Верн

В приёмной меня встретила медсестра, которую назвать доброжелательной было сложно. Так не сиди, здесь не лежи. Видимо, я ей насолила своим появлением.

Когда я переоделась, я также надела взятые с собой носки. В отделениях прохладно, а я всё так же кашляла. Увидев на мне носки (замечу, до неё никто и никогда не обращал внимание на эту мелочь), она сказала, что в родовом отделении всё стерильно и нельзя ничего надевать своего. На что я ей сказала, что я болею, носки чистые и мне холодно. Тут же она помимо анализов на СПИД и ВИЧ, которые вклеены были в карту, дала градусник, чтобы померить температуру. Признаюсь, анализы в приёмном отделении брать — это сильно, конечно. Никто ещё так не извращался. Градусник показал температуру 37,1°C. Это ей, конечно, не понравилось. В карте появилась соответствующая отметка, и доктору по телефону сообщили, что я инфицированная больная и меня положено изолировать. «Прекрасное начало», — подумала я тогда. Но это было действительно только начало.

Тут за мной наконец-то пришёл врач. Совсем молодой, немного за тридцать.

— Снимите носки! — требовала от меня медсестра в этот момент.

Я быстренько, пользуясь моментом, пошла вслед за доктором.

— Доктор, скажите ей, чтобы она немедленно сняла носки!!! — завопила медсестра нам вслед.

— Разберёмся, — кивнул ей доктор, даже не оборачиваясь.

И вот я опять в кабинете УЗИ. Всё то же самое, разумеется, ничего не изменилось: у плода, лежащего ближе к выходу, маловодие, у второго — многоводие. Доктор рекомендует кесарево сечение, всё банально. В анамнез он не смотрел, и так дел много. Я отказываюсь от кесарева. Такого поворота событий он не ожидал:

— Очень жаль, что вам эти дети не нужны.

Слова резанули мне по сердцу. Они нужны мне, но мне хорошо известно, что врачи плохо взвешивают риски и часто ошибаются. И я боюсь собственной смерти.

— Почему вы считаете, что они умрут? — я удивлена: неужели на таком сроке малыши не выживают?

— Не выдержат схваток.

— А если беременность пролонгировать? Ведь можно остановить схватки.

— У вас один ребёнок придавил другого. Один плод плавает, как в бассейне, а другой — распластался, как человек-паук. Они и так страдают, могут умереть внутриутробно. Вот недавно была женщина. Правда, у неё срок был двадцать шесть недель. Такая же ситуация, как у вас. Сделал я ей УЗИ. И она от кесарева отказалась. Пошла делать УЗИ в другое место. Там ей всё подтвердили, но она ничего не стала делать. Ну, и допрыгалась — через трое суток дети внутриутробно умерли. Родила мёртвых детей. Что и вас ожидает.

Закончив заполнять бумаги, врач повёл меня в род-бокс. Индивидуальный, просторный, с удобной кроватью. Красота! Ремонт, оборудование, всё новое. Меня сначала поразила тишина на этаже, но потом я сообразила: «Ведь я болею! Меня изолировали, дабы я никого не заразила и поместили не просто в индивидуальный бокс, а на индивидуальный этаж».

Время было позднее, я так устала и надеялась отдохнуть, но не тут-то было. Меня опять опоясали КТГ.

— А он будет работать всю ночь? — спрашиваю я, — я бы хотела поспать, — ведь я мало спала в предыдущую ночь.

— А что вам? Он не будет мешать. К тому же ещё очень рано: всего-то девять часов вечера, ещё рано спать.

— По моему опыту спать с КТГ невозможно. До какого времени он будет записывать? — настаиваю я на своём, чем, конечно, раздражаю доктора.

— Часа три попишет, потом можно снять, — добродушно соглашается врач. — Мы будем на другом этаже роды принимать, но за вами будет постоянно наблюдать медперсонал, будут каждый час приходить к вам. Так что вы не волнуйтесь.

Тут я поняла, что сейчас врач уйдёт, и я его не скоро увижу. А может быть, и вообще больше не увижу. А тону

между тем всё такой же сильный, а движения детей всё меньше ощущаются. Почему он ничего не делает?

— Может быть, надо назначить уколы для раскрытия лёгких и что-нибудь для остановки схваток? — задаю я наводящий вопрос в надежде, что всё-таки наступит какое-нибудь прояснение.

Реакция была — то, что надо: доктор начал ходить туда-сюда по просторному боксу, судорожно обдумывая ситуацию. Через минуту он остановился и сказал:

— Да! Роды возможны.

«Гениально!» — подумала я. «Я уже сутки терплю схватки, раскрытие два сантиметра, и в голове врача наконец-то что-то зашевелилось в нужном направлении».

— Пишите! — скомандовал он медсестре. — Капельница с генипралом и уколы дексаметазона, — он назвал дозировку и оставил меня с медсестрой наедине.

Медсестра поставила капельницу, объяснила, как отсоединить шнур, если я захочу в туалет. Я поэкспериментировала, и оказалось, что при отключении от сети капельницу надо настраивать заново.

— Хорошо, вот вам номер телефона, это родовое отделение. Если нужна будет помощь, то позвоните, и к вам придёт медсестра, чтобы включить капельницу снова, — сказала медсестра и спокойно ушла.

Я лежу и думаю: «Что дальше будет?» Решила позвонить Наталье Евгеньевне и рассказать обо всём. Она выслушала меня и обрадовалась, что я именно в этом роддоме:

— Очень хорошо, что вы там. У них тоже хорошая детская реанимация.

— Наталья Евгеньевна, неужели нельзя ещё хоть чуть-чуть сохранить беременность? — чуть ли не ною я.

— Какое маловодие? Сколько вод по стенке?

— Не знаю... Подождите, я сейчас посмотрю, — я помню, что карту мою врач оставил на столе у выхода, напротив туалета. Встаю, читаю заключение УЗИ, называю какие-то цифры. Не помню, какие именно.

— Кесарево. Сохранять уже нельзя, опасно, слишком мало вод.

— Но я не хочу кесарево. Если откроется кровотечение, то что будут делать врачи? Должно же быть всё как-то со-

гласно природе, — мой мозг отказывается принимать всё как есть. Я не хочу так.

— Тогда отказ. Пишите отказ. Вообще на таком сроке дети часто становятся инвалидами. Их, конечно, выхаживают, но велика вероятность инвалидности: они могут быть глухими, слепыми, с ДЦП. И врачи будут всё делать, чтобы уговорить вас на кесарево, будут давить, так что вам понадобится много мужества, чтобы противостоять им. Если вы решитесь рожать сами, сообщите, пожалуйста, как у вас всё прошло, когда найдёте в себе силы. Удачи вам!

«Вот уж дела», — подумала я. Позвонила мужу, поговорила с детьми. Это так приятно. Чем дольше лежишь в больнице, тем приятнее слышать родные голоса. Это связь с другим миром, тем миром, где твоё счастье. А ты как будто попал в мир кошмаров, и остается только ждать, когда ты снова сможешь вернуться назад, к себе домой.

Когда время приближалось к полуночи, медсестра пришла снять КТГ и поставила капельницу. Благодаря гени-пралу тонус пропал, и я наконец-то смогла заснуть.

Примерно в час ночи меня разбудил чей-то шёпот, это два врача сидели за столиком около выхода и обсуждали мой анамнез, который их послали изучить для опыта.

Когда они ушли, мне приспичило в туалет. Взяла я инфузomat, тут же в голову мне пришла мысль, что очень уж неудобно с ним так таскаться, ну да ладно. Сделав необходимые дела, вернулась к кровати, взяла бумажку, на которой было написано, как и куда звонить, и начала дозваниваться до медперсонала. Звонила я раз десять, но на том конце никто трубку не поднимал. Я решила пройтись по коридору. Никого, пустой этаж. Хоть умри, никто и не заметит. Великолепно!

Мне ничего не оставалось делать, как лечь в кровать отдыхать. Каждый час я вставала снова, чтобы позвонить. Примерно в пять часов утра я наконец-то дозвонилась. Медсестра поинтересовалась, что мне надо, и сказала, что сейчас кто-нибудь подойдет, чтобы включить капельницу.

Пришла акушерка лет пятидесяти, очень доброжелательная по сравнению с молодыми специалистами.

— Сегодня очень много родов, поэтому мы ничего не успеваем. Даже подойти к телефону не успеваем, — сказала она. — Сколько ты уже без капельницы?

— Примерно четыре часа.

— Так долго! Смотри, я тебя научу, как включать *инфузомат*, и ты сама будешь это делать при необходимости. А то бегать с этажа на этаж мне уже возраст не позволяет, а молодым ничего не надо.

Она мне показала, что в какой последовательности нажимать, чтобы капельница снова заработала. После этого она меня расспросила, почему я оказалась в этом роддоме. Приятно было душевно поговорить с ней. Она мне пожаловалась на свои трудности: что старых людей увольняют, берут только молодых, что дочке младшей у неё всего шесть лет и растить её ещё долго. «Прямо ровесница моей Лизы», — подумала я тогда. Выслушав же мою историю, акушерка сказала, что надо сохранять беременность до последнего: до того, как умрёт один плод. И как только это произойдет, сразу рожать. Я, конечно, это выслушала молча, но сама подумала: «Ведь после того, как умрёт первый, у второго начнется заражение крови, потому что это монохориальная двойня. У меня-то ладно, уже большая, переживу. Но вот как это отразится на маленьком, не до конца развитом, ребёнке? Скорее всего, отрицательно, поскольку оперативно сработать не получится — никогда ведь не получалось до этого».

Акушерка попыталась меня поддержать, сказала, что всё будет хорошо, срок уже не маленький. И так ей было меня жалко при этом, что она даже дала мне свой личный телефон, которым мне так и не пришлось воспользоваться.

Уметь включать, выключать инфузомат — это то, что мне было надо и пригодилось ещё не раз. Как оказалось, врачи не умеют это делать. Зато, конечно, много всего другого умеют.

Утро 30 ноября

За всю ночь ко мне так и не приходили врачи. Очень заняты были. Рано утром они тоже не могли не зайти, потому что должны были передавать пациентов.

Примерно в девять часов утра в палату зашли сразу четыре совсем молодых акушера-гинеколога во главе с моим первым врачом. Не могу сказать, что я была рада их видеть, поскольку толку от них было мало. Но надо было попытаться хоть чего-то от них добиться.